

ЭЛЕВСИН – МЕСТО ПРЕБЫВАНИЯ ГРЯДУЩЕГО

Попытки рационально понять и выразить смысл мистерий встречаются, начиная с Платона вплоть до мыслителей XX века – В. Иванова, Д. Лауэнштайна, Р. Штайнера. В статье на примере символики Элевсинских мистерий обращается внимание на глубинные механизмы духовной жизни, связанные с предельными смысложизненными проблемами человека. **Ставится задача** расставить значимые акценты, позволяющие воспринять древние символы не как плод поэтической фантазии, но как выражение особого знания, понимание которого связано с отказом от абстрактных стереотипов, с опорой на умение концентрировать не только интеллектуальные, но и эмоциональные и волевые способности.

Памятники античной культуры свидетельствуют о том, какое место в жизни эллинов занимали мистерии. Элевсинские мистерии были посвящены богине Деметре, которая от Зевса родила Персефону, похищенную Плутоном, богом подземного царства. В поисках дочери Деметра бродила по земле и какое-то время воспитывала в Элевсине Триптолема, сына царя Келея. Деметра в скорби наслала на землю бесплодие и тогда Зевс заставил Плутона отпускать Персефону на поверхность. Но Плутон дал жене вкусить гранат (символ смерти), поэтому Персефона на треть года должна возвращаться в преисподнюю.

Миф о Деметре и Персефоне символизировал попеременное нахождение души то в преисподней, то в горнем мире и возможно определил название города Элевсин, которое напоминало эллинам греческое *eleusis* (пришествие богини). В топониме звучало и мифическое доэллинское наименование мистического царства – Элизия, где обитали блаженные души. Трещины в земле от молний назывались *en elysia*. Убитых молнией считали жителями Элизия. Семела, смертная мать бога Диониса, была праобразом таких погибших от молнии.

Начало мистерий теряется в доисторическом прошлом. Согласно археологическим памятникам, открытым в 1645 г. и затем систематическим раскопкам, проводимым с 1882 г., можно говорить о времени более 2 тысячелетия до Р.Х. Основателем Элевсиний и первым иерофантом считают Триптолема. Закат мистерий относится ко времени правления императора Аркадия, отдавшего в 396 г. святилище на разграбление королю вестготов Алариху. Существует обширная литература, посвященная мистериям [3, с. 349].

Трудность постижения мистерий состоит в том, что они были тайной религией избранных. Посвященные прикасались к тайной мудрости, касающейся вопросов духовной жизни и будущего. Посвящению предшествовал особый образ жизни для приведения чувственности под власть духа – пост, уединение, очистительные обряды и душевные упражнения. Весь ход ощущений и переживаний должен был стать иным. Без предварительной работы над собой путь к тайнам бытия был опасен. И горе тому, кто туда пытался проникнуть незаконно, не пройдя испытания. Поэтому не было большего преступления, чем выдача тайны непосвященному. Известно, что поэт Эсхил был обвинен в том, что перенес на сцену кое-что из мистерий.

О причастности к мистериям Платона можно судить по упоминанию об Элевсиниях в 13 его произведениях. Особенно отчетливо проступает его осведомленность о смысле мистерий в VII письме и в знаменитой притче о пещере из VII книги «Государства». Осмыслению процесса рождения человека духовного из человека естественного посвятил свою жизнь Сократ. В платоновском «Федоне» Сократ наставляет юношей относительно миссии «вакхантов», т.е. истинных философов, упоминая об очищении души, учреждении таинств и посвящении. О мистериях свидетельствуют Аполлодор, Аполлоний Родосский, Апулей, Аристофан, Гесиод, Гомер, Павсаний, Плутарх, Светоний, Фукидид, Цицерон, Эпиктет, Плотин, Порфирий, Прокл, Ямвлих.

Современному человеку понять смысл мистериального посвящения возможно при отказе от веры в материю как единственную реальность и признании в качестве реальности невидимого или духовного мира. Посвящение есть проникновение в истины невидимого мира непосредственным опытом души, ее внутренним преображением. В процессе преображения должны участвовать все части души – ум, чувство и воля в их гармоничном единстве. Но преображение

невозможно, если молчит сердце – орган любви. А без нее познание истины чревато искажениями. Особенно, если речь идет о проникновении в тайны духовного мира.

Мудрецы всех времен знали это и понимали опасность вручения тайны бытия в руки нетерпеливых «младенцев», ведь проникновение в тайны невидимого мира и контакт с его обитателями опасен для души и тела человека, а также и для его окружающих. Но были люди (жрецы, иерофанты, посвященные, мисты), обладающие способностью общения с невидимым миром. Опыт мистериальных посвящений был обусловлен требованиями предварительного нравственного самосовершенствования. Символика мистерий была недоступна для обычного рассудка, чтобы уберечь любопытствующих от опасных последствий. Она ориентировалась на пробуждение задатков, которые у обычного человека дремлют, но могут проявиться в результате духовных практик. «Посвященные по-новому смотрели на жизнь и на смерть. Только теперь они считали возможным говорить о бессмертии. Они знали, что непосвященный, говорящий о бессмертии, говорит о том, чего не понимает. Непосвященный приписывает бессмертие вещи, подчиненной законам возникновения и уничтожения... Вечное не бывает живо в немисте» [5, с. 16]. Это вечное следовало пробудить в себе, к чему и стремились мисты. Сократ, уходя из жизни, говорил, что «те, кому мы обязаны учреждением таинств, были не так уж просты, но еще в древности приоткрыли в намеке, что сошедший в Аид непосвященным будет лежать в грязи, а очистившиеся и принявшие посвящение, отойдя в Аид, поселятся среди богов. Да, ибо, как говорят те, кто сведущ в таинствах, «много тирсоносцев, да мало вакхантов», и «вакханты» здесь, на мой взгляд, не иные кто-либо, а только истинные философы. Одним из них старался стать и я – всю жизнь, всеми силами, ничего не пропуская. Верно ли я старался и достиг ли чего, я узнаю точно, если то будет угодно богу, когда приду в Аид» [4, т. 4, с. 21].

В VII письме Платон говорит о сознании, возникающем в душе и само себя питающим, подобно свету, засиявшему от искры огня. Подобное и есть результат философского посвящения (см.: [4, т. 4, с. 493]). Гераклит, Пифагор, Эмпедокл, Сократ, Платон связывали это с освобождением от того, что предлагают нам чувства, ибо они привязаны к преходящему. По Сократу стремление к мудрости подобно умиранию, т.к. человек при этом отвращается от телесного и обращается к духовному. Поэт Пиндар в V в. до Р.Х. говорит о смерти, о последнем земном рождении и о том, как таинства позволяют осмыслить метаморфозы между двумя жизнями и облегчают их. «Хорошо снаряжен [в смерти] тот, кто сходит во гроб, зная истину Элевсина. Ему ведом исход земной жизни и новое ее начало – дар богов» (Цит. по: [3, с. 11]).

Истина не может быть подобно чувственным вещам один раз этим, другой раз – другим. И когда философ отвращается от чувственно-преходящего ради истины, он пробуждает в себе то вечное, что живет в нем. Сократ вскрывает тайну мистерий, состоящую в преодолении душой условий воплощенности в чувственное тело. Поэтому высшую нравственность Сократ связывает с освобождением от влечений тела. И поскольку рассудочное мышление, приспособленное к восприятию и связыванию фактов внешнего мира, оказывается бессильным в постижении мистериальных тайн, то, описывая вечное в душе, Платон пользуется мифологическими образами. Так в «Федре» душа (которая изображается в виде колесницы с возницей и двумя крылатыми конями), однажды узревшая потустороннее (сверхчувственное), пребывает в покое до следующего объезда (нового перевоплощения). Образы мифа – не есть выдуманные абстракции, но символы душевных переживаний посвященного, которые трудно выразить словами обычного языка, привязанного к внешнему миру. Но как обычные слова пусты, если не наполнены чувственным опытом, так и образы мифа лишены собственного смысла, если не связаны с личным переживанием духовной реальности. Кто интерпретирует мифы через призму внешнего опыта – грезит, или даже впадает в своеобразную прелесть (говоря языком церкви), ибо прельщения могут быть как в форме образов чувственного порядка, так и в форме порожденных тщеславием интеллектуальных конструкций. Опыт познания невидимого, осуществленный неочищенной от страстей и привязанностей к материальному душой, будет ложным и даже разрушительным для человека. Поэтому к мистериям допускались люди только прошедшие опыт очищения. В «Федре» Платон упоминает об очищении (katharsis) как средстве освобождения от болезненного безумия, которое должно стать «правым безумием», иначе божественным вдохновением, и приравнивает его к посвящению. Очищение в мистериях было связано с

экстазом, т.е. кратковременным выхождением души из тела. Это состояние называлось *hieromania* (священное безумие) и представляло собой состояние непосредственного соединения с Богом (*entheos* – вместивший бога). «В экстазе человек выходит из своей ограниченности, для него нет времени и пространства, он созерцает грядущее как настоящее» [2, с. 212].

Душа, символизируемая Персефоной, ведет свое начало от бессмертного, от Деметры и Зевса. Культ Деметры – один из древнейших. Имя богини обнаружено на микенской табличке II тысячелетия до Р.Х. и означает Мать полей. Это «наводит нас на следы первоначального феми-монотеизма, женского единобожия. Все женские божественные лики суть разновидности единой богини, и эта богиня – женское начало мира, возведенное в абсолют» [2, с. 332]. «Женщина была царицей над смертными и богами. Женское начало утверждалось монотеистически. Политеизм оказывается при всяком углублении в идею судьбы, только полидемонизмом, демонологией» [2, с. 331].

В доэллинических культах нет образа страдающего бога как сыновней ипостаси небесного отца. Древнейшим мифам характерно представление о сыне богини или ею взлелеянном младенце. Преобладание женского начала в прадионисийскую эпоху выражено в приписывании Дионису матери – смертной Семелы или богини подземного царства Персефоны. Но верховным божеством этого мира являлся Зевс. Символизм мифа указывал, что волевое начало ограничило древнюю мудрость (Зевс проглотил свою первую жену, Метиду, богиню мудрости). Посвященные в мистериях должны были преодолеть власть земных условий пребывания, чтобы прикоснуться к древней прамудрости. Не случайно Гете выразил эту идею в сцене нисхождения Фауста к Матерям. Деметра, как дарящая земле силу семян и плодов, указывает на глубинную сторону ее существа, желающего подарить человеку бессмертие (по ночам погружает своего воспитанника в огонь). Но человек не может выносить чистой силы огня (духа). Поэтому можно лишь учредить храмовое служение, где человек постепенно сможет приобщаться к божественному. Мист должен быть восприимчив, способен к зачатию, чтобы потом перерастить себя. На созерцательной ступени это означает: как мать сына он должен произвести на свет новую духовную личность. При этом естественный пол роли не играет. Не случайно в Элевсине все мисты появлялись в миртовых венках невест и в женских одеждах. Духовный плод в Элевсиниях символизировался образом Иакха (Диониса). Достичь способности духовного зачатия можно было, пробудив органы духовного восприятия, как повествует Апулей в романе «Золотой осел». Мистериальный смысл имеет включенная в роман сказка, повествующая об испытаниях дочери кипрского царя Психеи (Души), преследуемой гневом Венеры (Афродиты). Посвящение и преображение Психеи соответствует ритуалу нисхождения в преисподнюю, к Прозерпине, по завершении которого она принимается в сонм бессмертных богов. Одиссей нисходит за пророчеством Тиресия в Аид (Гадес, Элизий), призывая громогласно «грозного бога Аида и страшную с ним Персефону» [1, с. 109]. После гибели шестерых спутников, поглощенных Скиллой, Одиссей попадает в бешеный водоворот Харибды: «Внутренность вся открылась ее: перед зевом волны сшибались, и в недре утробы открытом ужасно кипели тина и черный песок» [1, с. 235].

Если искать эзотерическое соответствие событий «Одиссеи» путешествию души в теле, то данное действие происходит под диафрагмой, где происходит пищеварение (за питание в человеческом теле ответственна Деметра). Оккультно здесь является «колесо» над пупком, которое йога зовет «огненным кругом» или «украшенным драгоценностями». Драгоценные камни – песок, который увидел Одиссей на дне водоворота [3, с. 305–306].

«Илиада» Гомера описывает события XIII в. до Р.Х., имеющие мистериальный смысл. Особое значение имеет символика ранений, сопоставимая с символикой других литературных источников. Гомер ведет речь о ранах олимпийцев, мистика христианского Запада – о ранах распятого Богочеловека, в Индии о том же говорят добуддийские песни веданты, известные в литературной форме с 7 века до Р.Х. Мистики обретают эти раны в виде складывающихся органов чувств более высокого порядка. Иудейский пророк Иезекииль (Иез. 1,15) и индусы называют их колесами или цветами лотоса. Элевсинские мистерии были направлены на пробуждение этих «колес» как зародышей восприятия духовной реальности, находящихся в спящем состоянии у обычных людей.

Мистериальные таинства символизируют этапы развития души. В ряде аттических мистерий, в том числе в Элевсиниях, это связано с культом Диониса. По мнению В. Иванова «несомненных воплощений бога можно было насчитать несколько; отсюда попытки установления их канона, не доведенные, однако, до завершения догматического» [2, с. 142]. Дитер Лауэнштайн, опираясь на символику культового календаря, считает, что «Дионису должно родиться трижды, прежде чем он, духовное существо, сможет одарить людей на земле. Да и тогда он еще нуждается в самом тщательном уходе. В Гадесе Персефона закладывает основы духовного человека, рождая его там «в огне» под знаком Стрельца, в октябре. Семела зачинает его душевно – под Рождество от молнии; но и это пропало бы втуне, если бы Афина с ее «укрепляющими идеями» не спасла его из мимолетных душевных порывов, или «ветров». Зевс, властитель ясного света, хозяин нашего сложившегося мира, в более древнюю эпоху Водолей – Посейдон, укрывает спасенное Афиной сердце в своем теле и 6 января рождает мальчика в третий раз. Теперь Дионис находится в земном человеческом мире» [3, с. 148–149]. В. Иванов, ссылаясь на «Илиаду» Гомера, на Эсхила и Аристофана, говорит о присутствии прадионисийского тождества функции подземного Зевса – Аида и Диониса – Иакха. Гераклит утверждал, что один и тот же бог Аид и Дионис. Эта же идея встречается и у орфиков.

Трудность упомянутого отождествления проистекала из того, что «подземный Зевс был, по своей сущности, пра-Дионис, и новоявленный сын Зевсов не мог заменить своего же древнего двойника. Таинственный же смысл различения в кругу посвященных был более глубок: с древних времен мы находим в элевсинской теологии и мистике отчетливое признание ипостасности, т. е. утверждение нераздельности и неслиянности лиц божества, по существу единого; и Элевсинский Дионис, младенец Иакх, должен был быть различаем от подземного Зевса как ипостась сыновняя, коей единственно принадлежат атрибуты божественного рождения, смерти и воскресения. Но тайна Дионисова лика в подземном царстве, тайна Иакха, осталась тайной для непосвященных в мистерии» [2, с. 177].

Согласно неоплатоникам Дионис знаменует начало множественности. Миф исходит из понятия о божестве как живом всеединстве и изображает страсти бога растерзанного, страдающего. Титаны разрывают единого на многие части. Вследствие этого преступления единое божество теряется во множественности форм видимого мира. Согласно Анаксимандру возникновение множественности вещей из единого беспредельного (apeiron) есть неправда и вина (adikia), за которую все, что обособилось, несет возмездие своим уничтожением. Люди, возникшие из пепла титанов, несут в себе богоборческое неистовство, разрывающее гармонию божественного всеединства. Но так как титаны приняли в себя плоть растерзанного ими Диониса, то их тело было уже не только титаническим, но и дионисийским. Вина воплощенной в физическую материю души состоит в «титаническом» самоутверждении человеческого «я» в свободном приятии самости, в воле к отдельному существованию. Восставая против божественного всеединства, дионисийской жертвенной самоотдачи, человек утверждает свою отчужденную титаническую самость, хочет «спасти свою душу», замыкаясь в индивидуальности и тем самым задерживает себя в «гробнице тела». И, как говорит Анаксимандр, смертью платит пеню за вину своей эгоистической обособленности. Дионисийское начало символизирует саморасточение как божественное творчество, которое приводит душу человека за порогом смерти к живым водам из «озера Памяти». Обращение к живым водам памяти восстанавливает сознание забытого единства, откуда новый зов выведет человека опять на лицо земли. Предвечная память в философии Платона – источник воспоминания души о довременном созерцании божественных идей. Дионис есть одновременно богом смерти и богом возрождения. В одном из своих сочинений Плутарх утешает жену в потере дочери, указывая на тайны личного бессмертия в Дионисовых мистериях.

«Понятие палингенесии, рассматриваемой как восстановление расчлененного состава (systasis), естественно сочеталось с образом плода в матернем чреве и младенца. Сделав религию Диониса...носительницей идеи бессмертия и пакирождения, орфики могли обновить элевсинские таинства и слить их в одно целое с дионисийством» [2, с. 184]. Дионис как божественное бытие в его многообразных проявлениях – бог вспыхивающего и потухающего света (phan). Философский термин «феномен» – одна из вех, следуя которым в истории греческой философии

фии, мы восходим к ее истокам, скрытым в полумраке мистерии. Корни этого понятия лежат несомненно в религии Диониса, бога эпифаний, и в экстатическом опыте его чудесных богоявлений. «Вот почему и Фанесом зовут его, и Дионисом» [2, с. 188]. И если употребление понятий «явление» и «феномен» в философии, ориентирующейся на критерии научности, утратило связь с мистериальными традициями и рассматривается как форма абстрактной мысли, то религиозная традиция сохранила идею богоявления в понятии «эпифания», заимствованного из мистериального культа.

Память о мистериях стала достоянием культуры. Их прежнее влияние утрачено. Причины этого могут быть разными, в зависимости от мировоззренческой позиции исследователя. Если учитывать, что мистерии – это событие эзотерического плана, то представляется убедительным объяснение Р. Штайнера, говорившего, что древнее посвящение в мудрость бытия было делом отдельных личностей, познание вечного утаивалось от масс. Но традиция мистерий не исчезла бесследно. Она «продолжала жить в христианстве, но в измененной форме. Истине должны были стать причастны все, а не отдельные избранные. Но это должно было совершаться таким образом, что на известной ступени познания последнее признавалось бессильным вести дальше, и его место заступала вера. Христианство вынесло содержание мистерий из сумрака храма на дневной свет» [5, с. 121]. В послании апостола Павла говорится об откровении «тайны, о которой от вечных времен было умолчано, но которая ныне явлена, и чрез писания пророческие, по повелению вечного Бога, возведена всем народам для покорения их вере, Единому премудрому Богу, чрез Иисуса Христа» (К римлянам, 14, 24–25). Здесь присутствует мысль, что в развитии человечества произошло такое изменение, в результате которого потребовалось обновление как внутренних, так и внешних форм приобщения людей к Богу. Для восстановления потерянного людьми единения с Богом, Церковью установлено Таинство Крещения. Погружение в воду человека во время выполнения Таинства Крещения символизирует его погребение с Христом, а изъятие из воды – знак воскресения во Христе. Человек, принимающий крещение, получает благодать Духа Святого, очищающего его от наследственных и личных грехов, и таинственным образом соединяется с Богом. Крещение как знак покаяния является необходимым условием для спасения к жизни вечной.

Проведенное исследование позволяет **сделать вывод** о культурной тенденции превращения плодов духовных исканий относительно тайн невидимого мира из знания для избранных в мистериях в открытое через христианство знание для всех.

1. Гомер. Одиссея. – М., 1986.
2. Иванов В. Дионис и прадионисийство – СПб., 1994.
3. Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии. – М., 1996.
4. Платон. Собрание сочинений в 4 т. – Т. 2. – М., 1993; Т. 4. – М., 1994.
5. Штайнер Р. Мистерии древности и христианство. – СПб., 1990.